

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

A man with dark curly hair and a beard, wearing a white shirt and a dark vest, stands behind a woman. The woman has dark hair styled in an updo and is wearing a dark green, long-sleeved dress with a belted waist. They are in a textile factory with large windows showing a snowy mountain range. The man is holding the woman's arm, and she is looking at a piece of fabric on a table. The background shows industrial machinery and spools of thread.

Мужик,

ради которого я
заложила ателье

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Мужик, ради которого
я заложила ателье**

<https://litres.ru/74554148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Московский модельер Василиса едет в горы за уникальной шерстью, но попадает в снежный буран. Её спасает суровый чабан Арсений. Вместе им предстоит бросить вызов безжалостному магнату, возродить древнее ремесло и обрести страсть, способную растопить любой лёд. Ради этого мужчины Василиса готова заложить своё ателье и остаться в горах навсегда. История о любви, которая сильнее бури, и о том, как один человек может изменить всё.

Содержание

Глава 1. Всадник сквозь буран	5
Глава 2. Канат над пропастью	15
Глава 3. Белое золото	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер Мужик, ради которого я заложила ателье

Мужик, ради которого я заложила ателье

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Всадник сквозь буран

Арендованный «Патриот» рывком просел над обрывом. Я прижала портфель к животу; ледяная поземка секла капот, заглушая скрежет камня под колесами.

Я сидела, задержав дыхание, вжавшись в продавленное водительское кресло. Пальцы в тонких перчатках из лайки одеревенели, стискивая кожаный портфель с эскизами и лекалами — единственное, ради чего я приехала из Москвы в глухое ущелье Аксаут. Под днищем машины сухо похрустывал гранитный щебень.

Правое заднее колесо уже висело в воздухе. За тонким металлом крыла разверзлась трехсотметровая черная пасть каньона, где в молоке мглы глухо ворочался речной поток.

Резкое движение — и кузов сорвется в пропасть.

«Только не дергайся, Василиса. Смотри на склон. Думай», — шептала я себе разбитыми губами, чувствуя, как морозный воздух обжигает горло.

Педаль тормоза уходила в пол. Я вдавливала ее обеими ногами, чувствуя, как через подошвы модных сапожек пробивается лютый холод насквозь промерзшего днища. Двигатель заглох, когда поперек узкого карниза вырос полутораметровый гребень из гравия и смерзшейся глины. Я рванула ручник: тросик взвизгнул, рычаг уперся в ограничитель, но заблокированные колеса скользнули по глазури льда, и кор-

ма УАЗа со скрежетом просела над обрывом еще на несколько сантиметров.

Снизу донесся сухой, пушечный треск — гранитная плита под колесом дала первую трещину.

Медлить больше было нельзя. Я потянулась к ручке водительской двери, толкнула ее плечом — бесполезно. Геометрию проема повело от удара о валун, замок заклинило намертво, а снаружи дверь подпер спрессованный бураном намет. С этой стороны я оказалась заперта.

Оставалось только пассажирское окно.

Перевалившись через консоль коробки передач, я стащила зубами перчатку. Кожа на пальцах мгновенно онемела от стужи, пятнадцатиградусный мороз впился в ладонь тысячу ледяных игл. Под руку попался тяжелый полуторалитровый стальной термос. Сжав его обеими руками, я изо всех сил ударила граненым углом доньшка в нижний угол бокового стекла.

Каленое стекло со звоном осыпалось внутрь салона градом мелкой крошки. В разбитый проем тут же ворвался ледяной вихрь, залепляя лицо колючей крупой. Сквозь снежную круговерть в луче угасающей фары я успела разглядеть склон.

На плотном мерзлом грунте перед осыпью четко, глубоко отпечатались широкие трапециевидные насечки. Гусеницы тяжелого промышленного бульдозера. Я провела взглядом по срезу скального козырька: вдоль него тянулись борозды

ковша. Породу столкнули вниз. Кто-то целенаправленно запечатал перевал.

Я выхватила телефон из кармана пальто. Экран вспыхнул тусклым светом, батарейка мигнула красным делением и телефон погас. До этого вместо значка сети светился пустой крестик.

Я натянула перчатку, навалилась грудью на руль и вдавила ладонь в кнопку клаксона.

Резкий, глухой автомобильный вой взрезал метель. Он разносился над пропастью, тонул в завывании ветра и метался эхом. Я давила и давила, пока вой клаксона не осел до хриплого гудения.

Я убрала ладонь с клаксона. Гудение оборвалось, и сквозь шум ветра донесся звук.

Короткий, резкий свист. И следом — частый, тяжелый стук копыт по голому граниту.

Сквозь стену несущейся белой мглы вырос силуэт.

На мощном вороном жеребце сидел всадник исполинского сложения: черная папаха, широкие плечи, укрытые тяжелой овечьей буркой, с которой клубами слетал снег.

Конь испуганно всхрапнул, почуяв пустоту бездны и чад тосола. Подковы жеребца снопом искр полоснули по камню в полуметре от кромки.

Мужчина осадил коня, прыгнул на камни, в два шага оказался у придорожного валуна и за секунду захлестнул вокруг него пеньковый аркан, накинув свободную петлю себе под

мышки.

В разбитом окне его лицо оказалось прямо передо мной. Смуглое, обветренное, словно вытесанное из песчаника, с жесткой темной щетиной и горящими из-под бровей карими глазами.

— Не двигайся! — его голос прозвучал низко и тяжело, перекрывая шум шквала. — Скала под тобой пошла. У тебя меньше минуты. Портфель брось!

— Не брошу! — выкрикнула я, задыхаясь от летящего в рот снега и прижимая кожаную папку к животу. — Здесь всё! Вся моя жизнь!

Он протянул ко мне обе руки. В скале сухо затрещало, кузов просел, а бензин из перебитой трубки зашипел на коллекторе едким дымом.

Мужчина шагнул вперед, уперев сапог в гранитный уступ. Его ручки протиснулись в оконный проем, тисками сомкнулись на моих ребрах и выдернули меня наружу, словно тряпичную куклу.

Я закричала от панического ужаса, когда подо мной на миг открылась черная ревущая пропасть. Пальцы свело судорогой, кожаная папка выскользнула и полетела вниз, но мужчина, отступив на склон вместе со мной, прижал меня левой рукой, а вылетающий портфель на лету намертво вдавил локтем в гранитный выступ скалы.

В то же мгновение металл УАЗа взвизгнул в последний раз. Скальный козырек с грохотом отломился, и двухтонная

машина рухнула в бездну. Глухие удары о выступы скал отдавались в камнях. Внизу полыхнуло топливо, плеснув сквозь метель багровым отсветом.

Я опустилась на четвереньки в снег, сотрясаясь в беззвучной, судорожной истерике. Колени подламывались при каждой попытке подняться. Модные кожаные сапоги промокли насквозь, пальто покрывалось жесткой ледяной коркой.

Мужчина снял аркан и поднял с камней спасенную папку, сунул мне под мышку, а затем одним широким движением распахнул свою бурку.

Он сгреб меня в охапку. Жесткая снаружи и мягкая изнутри овечья шерсть захлопнулась вокруг меня, отсекая бурю. Меня накрыла волна сухого тепла, пахнущего дымом очага, хвоей и ланолином.

— Тихо, городская. Держись, — глухо выдохнул он мне прямо в макушку.

Он легко оторвал меня от земли, взметнул в высокое деревянное чабанское седло и вскочил следом за моей спиной. Его сильное предплечье железным обручем прижало меня к его широкой груди. Я чувствовала сквозь одежду, как стучит его сердце — сильно и часто. Я ловила этот ритм, пытаюсь унять собственное дыхание.

— Ищи дом, Буран. Веди, брат, — негромко бросил он жеребцу, отпуская повод. — Я Арсений. Тебя как зовут?

— Василиса, — выговорила я ему в ворот.

Конь заржал, прынул в белую круговерть и понес нас вверх

по невидимому карнизу перевала.

Я цеплялась за луку седла, вслушиваясь в осторожный перестук копыт.

Шквал на перевале Волчьих Ворота выл на одной пронзительной, скрежещущей ноте. Температура стремительно падала, воздух стал плотным и колючим, обжигая легкие при каждом судорожном вдохе.

Я сидела в седле, вжавшись затылком в ключицу Арсения. Мое пальто промерзло до хруста, колени одеревенели, а зубы выбивали дробь; попытка стиснуть их отзывалась болью в челюсти. От пережитого шока перед глазами кружили мутные серые хлопья.

— Дыши носом, Василиса! — Арсений наклонился к самому моему уху, его борода царапнула мой висок. — Не засыпай! Заснешь — с коня сниму ледышку!

Он перехватил поводья левой рукой, а правой резко дернул молнию на горловине своего грубого свитера, распахнул ворот и прижал мою онемевшую щеку прямо к своей горячей шее, накидывая край бурки мне на затылок.

От его обнаженной кожи исходил такой яростный, живой жар, что по моим застывшим щекам потекли слезы оттаивающей боли. Под пальцами, судорожно вцепившимися в его плечо, билась упругая жила. Запах мужчины — терпкий, просмоленный ветром, с легкой овечьей солоноватостью — заполнил всё вокруг, вытесняя страх. Я закрыла глаза и задышала в ритме его шагающего коня.

Внезапно Буран резко всхрапнул и замер, уперев передние копыта в мерзлую насыпь.

Тропу перед нами перегораживал свежий завал. Огромные глыбы сланца вперемишку со снегом и битым льдом перекрывали узкий проход у Чертовой расщелины.

Арсений выругался сквозь зубы — коротко, по-горски, спрыгнул в сугроб и тут же подхватил меня за талию, удерживая в седле.

— Держись за луку. Надо обойти по кромке, — скомандовал он.

Он повел жеребца за уздечку по узкому выступу скалы над пропастью, придерживая меня за колено. Его сапог глухо стукнул обо что-то металлическое.

Арсений остановился, нагнулся и выдернул из ледяного панциря тяжелый граненый штырь из матового титана. На рифленной рукояти профессионального альпинистского ледобура четко белела лазерная гравировка: «Охотхозяйство Казбекова № 4».

Челюсти чабана сжались так, что на скулах заходили желваки.

— Значит, Мурат... — процедил он негромко. Он вдавил большой палец в гравировку, будто хотел стереть фамилию. — Решил обвалить дорогу до первого снега, чтобы запереть меня на плато без кормов. Не выйдет, шакал.

Он швырнул ледобур в седельную суму и рванул коня вперед.

Мы выбрались на пологий участок перед урочищем, и я попыталась сползти с седла, чтобы облегчить жеребцу подъем.

— Я сама... я могу идти! — крикнула я, опустив ногу в снег.

Но подвернутая в машине щиколотка отозвалась острой, ослепляющей вспышкой боли. Сустав подломился, и я полетела лицом в наст.

Арсений подхватил меня на лету, одним движением вернул в седло и навис надо мной — мокрый от пота, с залепленными снегом бровями, свирепый и пугающе властный:

— Вцепись в гриву и сиди! В горах гордость оставляют внизу. Здесь я решаю, кто идет, а кто едет. Поняла?

Я только судорожно кивнула, вцепившись озябшими пальцами в густую шелковистую гриву Бурана. Спорить с этой гранитной стеной было бессмысленно.

В этот момент сверху, с нависшего над гребнем скального уступа, с сухим шорохом пополз пласт наста. Край ветрового козырька уже висел в воздухе; порыв ветра отломил его.

Арсений среагировал мгновенно: осадил жеребца задом под глубокий гранитный козырек, навалился на меня всем своим огромным телом и накрыл наши головы краем бурки. Снежная масса с пушечным грохотом обрушилась на скальный выступ над нами, обдав нас морозной пылью, и с гулом ухнула в бездну.

Когда чабан распрямился, стряхивая с плеч пуды мокрого

снега, впереди в разрыве метели открылась каменная чаша плато.

Там стоял его кош — мощная каменная усадьба с бревенчатыми овчарнями, обнесенная высокой каменной стеной. Но во дворе метались огни ручных фонарей, а сквозь ветер долетал яростный, надрывный лай волкодавов и испуганный рев сотен овец.

— Напали, — глухо выдохнул Арсений.

Он ударил каблуками в бока жеребца, направляя его прямо в узкий каменный створ въездных ворот.

Но на пути коня из поземки метнулись две серые тени. Огромные, мускулистые волкособы с прижатыми ушами и оскаленными белыми клыками перегородили дорогу, готовые прыгнуть на грудь Бурана.

Арсений направил жеребца вдоль стены. Правой рукой он выхватил из кобуры у седла тяжелый сигнальный пистолет СПШ и выстрелил прямо над головами зверей.

Магниевая ракета с шипением ударила в гранитный свод, разорвавшись слепящим белым солнцем. На секунду все ущелье озарилось призрачным дневным светом. Волки в ужасе шарахнулись в сугробы, и в этой яркой вспышке я отчетливо увидела: на шее ближнего зверя сидел широкий неопреновый ошейник с антенной спутникового маяка и горящим зеленым диодом.

Ошейник с маяком выдал человеческое участие: кто-то привел сюда травильных псов.

Буран грудью толкнул приоткрытую створку ворот и вломился во внутренний двор.

— Пират! Барс! Свои! — зычно рывкнул Арсений, осаживая жеребца на каменных плитах.

Два исполинских белых кавказских овчара, размером с доброго теленка, с окровавленными мордами мгновенно прекратили яростный лай и бросились к стремени хозяина, тяжело роняя пену на снег.

Арсений спрыгнул на землю, сдернул меня с седла и понес к высокому крыльцу жилого дома. В лицо пахнуло спасительным, живым теплом березовых углей и сушеной травы. Но в ту же секунду с дальнего края загона, над обрывом, раздался отчаянный, тонкий, раздирающий душу звук.

Жалобное детское блеяние.

Глава 2. Канат над пропастью

Арсений уже заносил меня через порог в теплую прихожую, собираясь захлопнуть тяжелую лиственничную дверь, но я вцепилась обеими руками в рукав его свитера под буркой:

— Стой! Слышишь? Там ягненок!

Звук был похож на плач брошенного младенца — захлебывающийся, хриплый от морозного воздуха.

— Василиса, в дом, живо! У тебя обморожение, — жестко оборвал он, пытаясь опустить меня на лавку у пылающей изразцовой печи.

— Он погибнет! — закричала я, глядя ему прямо в глаза и забыв о собственной боли. — Он за оградой, на скале! Ты успеешь его достать!

Арсений замер. Его темные глаза сузились, ноздри дрогнули. Он сорвал со стены в сенях мощный аккумуляторный фонарь и выскочил наружу, оставив дверь приоткрытой. Я, прихрамывая и опираясь на холодные бревенчатые стены, бросилась следом.

Белый луч прожектора прорезал клубящуюся метель над задним каменным парапетом овчарни.

Там, в семи метрах под отвесным обрывом, на крошечной скальной полочке, припорошенной снегом, метался белый пушистый комочек. Малыш дрожал всем тельцем, скользя

тоненькими копытцами по обледеленелому сланцу. Под ним зияла черная пустота каньона.

— Звездочкин первенец... — глухо выдохнул Арсений.
— Лучшая племенная матка. Загородок не выдержал, когда волкособы сунулись.

Он бросил фонарь на снег и потянулся к обрыву, собираясь спускаться по голой каменной кладке.

— С ума сошел?! Там чистый лед! — крикнула я, хватывая его за ремень. — Разобьешься!

У стены навеса лежала свернутая бухта пенькового каната толщиной в большой палец. Я подтащила ее и дважды обвела канат вокруг векового дубового столба коновязи, как учил отец в детстве на волжских лодках. Столб примет на себя рывок; мне оставалось травить свободный конец.

— Обвязывайся! Я держу! — я взяла свободный конец каната обеими руками и уперлась каблуками в гранитный цоколь.

Арсений перевел взгляд с моих упертых в цоколь каблучков на два оборота каната вокруг столба, кивнул и пропустил трос под мышками, завязал булинь и перевалился через парапет в темноту.

— Трави помалу! — донеслось снизу.

Трос натянулся, словно струна. Сто килограммов живого мужского веса рванули мои руки. Пенька затрещала, волокна впились в ладони даже сквозь перчатки. Боль была такой, будто кожу ошпарили кипятком, но я сжала зубы до скрежета

и подалась назад, удерживая натяжение всем телом.

Внизу Арсений завис над карнизом. Я отвернула лежащий на снегу фонарь от морды ягненка, оставив луч на скале возле Арсения.

— Тише, маленький... Иди сюда, дурачок, — его голос звучал удивительно мягко, с переливчатым горным присвистом, каким чабаны подзывают овец.

Он протянул широкую ладонь, на которой лежал кусочек хлеба из кармана. Ягненок почуял знакомый запах хлеба и ланолина, всхрапнул, сделал неловкий шаг вперед и уткнулся мокрым носом в его пальцы. Арсений мгновенно подхватил малыша под грудь и бережно спрятал за пазуху своего свитера.

— Выбирай! — крикнул он снизу.

В этот миг под его ногой сорвался ледяной пласт.

Канат с дикой силой дернулся, прокручиваясь вокруг столба. Кожа на моих ладонях лопнула, перчатки промокли горячей липкой кровью. Боль обожгла плечи, выбивая дух. Я упала спиной на каменные плиты, все еще сжимая канат. Уперев здоровую ногу в выступ фундамента, я навалилась на трос всем своим существом, крича сквозь слезы:

— Держу! Тянись, Арсений! Не пущу!

Этих двух секунд ему хватило. Чабан нащупал ногой скальную трещину, оттолкнулся и мощным рывком выбросил свое тело на парапет.

Он перевалился через каменную кладку, тяжело дыша, и

опустился на колени прямо надо мной. Из распахнутого ворота его свитера показалась белая кудрявая мордочка с блестящими бусинками глаз.

— Живой... — прошептала я, бессильно роняя окровавленные руки на снег.

Арсений взглянул на мои ладони, и его лицо побелело сильнее, чем от мороза. Он протянул руку, желая коснуться моих пальцев, но за нашими спинами раздалось тихое, утробное рычание.

Из темноты загона к нам крался волкособ, пробравшийся за ограду. Огромный зверь с обломанным клыком припал на передние лапы, целясь мне в горло.

Арсений дернулся за ножом. Волкособ уже оттолкнулся задними лапами.

И тут из метели белым снарядом вылетел Пират. Девяностокилограммовый волкодав сбил хищника прямо в воздухе. Раздался глухой хруст костей, когда пес впечатал волкособа в каменный угол колодца. Короткая схватка закончилась за секунду: Пират перехватил горло врага, оборвав рычание.

Арсений шагнул к мертвому зверю, достал нож и срезал с его ошейника плоский герметичный блок. На экранчике светилась рабочая частота; на корпусе был выгравирован логотип «Кавказ-Шерсть-Холдинг».

— Мурат Казбеков, — глухо произнес Арсений, сжимая передатчик в кулаке. — Скотина. Выпустил травильных псов в отару.

Он повернулся ко мне, бережно вытащил ягненка из-за пазухи и опустил мне на колени:

— Согрей его, Василиса. Я сейчас верну его матери.

Я прижала теплого, дрожащего барашка к своей груди, укутала краем шерстяного пальто и задышала на его замерзшие ушки. Сердечко детеныша заколотилось чаще, он лизнул мою щеку шершавым язычком и издал звонкое, чистое блеяние.

Арсений опустился рядом со мной на корточки и поправил край пальто вокруг ягненка. Его ладонь задержалась поверх моей.

— Удержала, — сказал он. — Обоих.

Он помог мне подняться, завел в теплый загон овчарни, где сотни овец испуганно жались друг к другу, и бережно опустил спасенного малыша на мягкую подстилку под бок крупной белой овцематке Звездочке. Овца нежно заурчала, вылизывая сына.

Я еще гладила малыша по мокрому лбу, когда собаки подняли головы к воротам.

Снаружи, над крышей кочевья, с сухим свистом взмыла в небо багровая сигнальная ракета. А следом за ней ревущий гул форсированных снегоходов разорвал тишину горной ночи.

Арсений первым бросился к сениям.

— В дом! Немедленно! — Арсений схватил меня за плечо и втолкнул в сени.

Тяжелая лиственничная дверь захлопнулась, чабан вогнал дубовый засов в кованые скобы. Снаружи уже ревели моторы. Два горных снегохода с ходу протаранили внешнюю железную ограду загона, взметая фонтаны снега.

Я слышала, как со стены в сенях с лязгом слетел оружейный чехол. Арсений передернул затвор карабина «Вепрь» с пятизарядным магазином.

— Сиди на полу, Василиса. Будут бить сквозь дерево, — бросил он, прижимая приклад к плечу.

Я поползла за перегородку, поднялась по короткой лестнице на сенную галерею и припала к смотровой бойнице, укрывшись за каменным простенком.

— Арсений, у них огонь! — крикнула я вниз.

В свете фароискателей снегоходов двое из троих нападавших в белых масках спрыгнули на плитняк двора. Один из них сорвал с разгрузки цилиндрическую армейскую шашку «Термит-М» и чиркнул запалом. Ослепительный снопищающих белых искр брызнул во тьму — он целился в соломенную кровлю сеновала, где хранился весь зимний запас кормов.

Если загорится сеновал, огонь перекинется на овчарни. Пятьсот овец окажутся заперты между стеной и пламенем.

Волкодав Барс рванулся из тени навеса. Огромный пес в прыжке сбил поджигателя с ног, вонзив клыки в рукав спецовки. Шашка выпала, шипя в сугробе и прожигая снег до камней.

Третий наемник, оставшийся за рулем ведущего снегохода, вскинул короткий карабин с глушителем. Хлопки выстрелов прозвучали сухо, щепки от бревенчатых ворот брызнули в стороны. У навеса взвизгнул Пират, поджал переднюю лапу и отполз за колодец.

Арсений распахнул стрельчатое окно сеней и выстрелил одиночным. Выстрел грохнул на весь тесный двор. Пуля разнесла вдребезги фароискатель снегохода, осыпав стрелка осколками стекла. Наемник с матерным визгом отпрянул за корпус машины.

Соскочивший на землю водитель второго снегохода вернулся к машине и с ревом развернул ее, пытаясь протаранить дощатые ворота овчарни и выпустить отару на мороз под ножи загонщиков.

Арсений отвел ствол от ворот овчарни. Он выскочил на крыльцо, подхватил полутораметровое бревно от сломанной коновязи и с богатырским выдохом швырнул его прямо под ведущую гусеницу летящего снегохода.

Бревно подмяло под гусеницу. Машину резко развернуло, она завалилась набок и с грохотом ударилась о каменную кладку колодца. Водителя выбросило в сугроб.

Контуженный наемник попытался встать на колени. Его рука потянулась к поясу, выдергивая зеленую банку слезоточивой гранаты «Сирень». Он замахнулся, целясь в вентиляционный продух жилого дома, где находилась я.

Арсений в десяти метрах от него теснил прикладом под-

жигателя, вырывавшегося из-под Барса.

«Не успеет!» — обожгла меня мысль.

Рядом со мной на верстаке у бойницы стоял тяжелый поисковый прожектор-фара на аварийном аккумуляторе. Я схватила его, распахнула деревянную ставню, прицелилась прямо в лицо человеку с гранатой и щелкнула тумблером.

Узкий столб ледяного белого света ударил бандиту в глаза с расстояния в пять метров.

Наемник вскрикнул, отшатнувшись от слепящего луча, выронил гранату себе под ноги и закружился на месте, зажимая лицо ладонями. Капсула зашипела в сугробе, едкий газ тут же подхватило ветром и унесло в ущелье, прочь от дома.

Ослепленный бандит в панике выхватил из-за голенища длинный охотничий тесак и полоснул наугад перед собой — прямо в сторону подоспевшего Арсения. Сталь свистнула в сантиметре от горла чабана.

Я схватила с пола массивное сухое дубовое полено для растопки и изо всех сил швырнула его вниз из окна. Тяжелый комель с глухим треском врубился бандиту в плечо и ключицу, сбив стойку и траекторию выпада. Бандит качнулся от неожиданного удара, выронил тесак на обледенелые камни.

Арсений сделал короткий шаг вперед, перехватил руку налетчика, подвернул ее под мышку и с сокрушительной мощью впечатал наемника спиной в каменную стену цоколя. Человек обмяк и мешком осел в сугроб, потеряв сознание.

Третий налетчик, заметив разгром своей группы, бросил

оружие, вскочил на уцелевший легкий снегоход и на полном газу рванул со двора, уносясь вниз по склону в разбушевавшуюся бурю.

Арсений вскинул карабин, поймав силуэт беглеца на мушкету, но опустил ствол и включил предохранитель. Беглец уже скрылся за воротами; стрелять вслепую вдоль дороги, ведущей к станице, было опасно.

Ветер затихал урывками; в коротких прогалах между порывами слышалось только сиплое, тяжелое дыхание собак и шипящее потрескивание догорающего термита.

Арсений подошел к разбитому колодцу, где из перевернутого снегохода выпала армейская офицерская планшетка. Он поднял ее, расстегнул клапан и достал влагозащищенный штабной планшет. На экране оставалась открытой переписка; я коснулась стекла, пока оно светилось.

Я спустилась на крыльцо, припадая на больную ногу и пряча израненные ладони под мышками. Арсений молча развернул экран ко мне.

На дисплее светилось сообщение в рабочем чате охраны «Кавказ-Шерсть-Холдинга». Над ним стояло имя отправителя: «М. Казбеков». Я прочла вслух: «Задача: уничтожить племенное ядро отары Чабана А. П. до начала стригальной кампании. Доставку кормов блокировать под видом оползня. Прибывшую из Москвы Демидову В. А. изолировать на перевале, запугать, эскизы и носители уничтожить, принудить к немедленному возвращению в столицу. Заказчик: М. Каз-

беков».

— Вот и всё... — прошептала я, чувствуя, как внутри всё стынет от осознания масштаба этой криминальной паутины. — Они знали про мой приезд. Они всё спланировали.

— Знали, — Арсений бережно спрятал планшет во внутренний карман бурки. — Но просчитались. Они думали, что ты городская кукла, которая сдохнет от страха в первой канаве. А ты спасла ягненка, держала канат и выбила нож у наемника.

Он подошел ко мне вплотную. Его дыхание клубилось паром в свете фонарей.

Шквал за воротами взвыл с новой, удесащенной силой. Ветер сорвал с петель внешнюю щеколду, ледяной вихрь закружил по двору, замечая следы ночного боя и намертво запечатывая перевал полуметровыми сугробами. Дорогу в долину затянуло сплошной белой стеной.

Арсений запер двух обезоруженных налетчиков в пустом каменном стойле, перевязав им запястья ремнями. Подозвал хромавшего Пирата, отправил собак под теплый навес и вошел вслед за мной в сени, с силой захлопнул тяжелую дубовую дверь.

Тяжелый лиственничный засов с глухим стуком упал в кованные пазы, приглушая бешеный вой метели.

В горнице коша царил сухой, благословенный жар горящих березовых поленьев.

И в ту же секунду меня накрыл запоздалый, сокрушитель-

ный откат.

Остатки сил вытекли разом, словно воду спустили из шлюза. Портфель выскользнул из моих ослабевших пальцев, колени подогнулись, зубы начали выбивать непрекращающуюся лихорадочную дробь, а перед глазами стремительно сгустилась серая мгла тяжелейшего переохлаждения.

Я падала на холодный пол.

Арсений подхватил меня под колени и спину, бережно прижимая к широкой, обжигающе горячей груди. Он сделал два широких шага к пылающему каменному очагу, опустился на колени на мягкий войлочный ковер и бережно усадил меня к себе на бедро, укрывая тяжелой шерстяной тканью.

Его огромные, грубые ладони накрыли мои ледяные, дрожащие, стертые до мяса пальцы.

— Всё позади, Василиса, — произнес он низким, густым голосом, от вибрации которого внутри меня оттаяла последняя замерзшая струна. — Буря осталась за дверью. В моем доме тебя больше никто не посмеет тронуть. Ты в безопасности.

Я потянулась к примерзшей пуговице, и он перехватил мое запястье:

— Сиди. Я сам.

Глава 3. Белое золото

Арсений пересадил меня на низкую лавку возле очага. В просторной каменной горнице коша гудело пламя. Очаг из дикого слоистого сланца дышал сухим, упоительным жаром, а меня все еще сотрясал жестокий озноб.

С полов моего промокшего городского пальто на каменные плиты стекали мутные струйки талой воды. Пальцы рук, ободранные пеньковым канатом до алого мяса, онемели, сгибались с трудом. Пуговицы примерзли к сукну, ткань стояла колом, скованная коркой льда.

Арсений опустился на одно колено прямо передо мной на войлочную кошму. От его могучих плеч поднимался густой пар, пахнувший морозом и овчиной.

— Не мучай руки, Василиса, — негромко сказал он. Он придержал мое запястье, отводя пальцы от примерзшей пуговицы.

Он вынул из ножен на поясе охотничий нож с наборной берестяной рукоятью. Лезвие хищно блеснуло в отсветах пламени. Чабан оттянул край пальто и подцепил кончиком клинка заиндевевшие нити пуговиц одну за другой. Щелк, щелк — пуговицы со звоном покатались по плитняку. Арсений осторожно снял с моих плеч оледеневший панцирь пальто, оставив на мне блузку, и тут же набросил на мои плечи сухой, пахнувший лавандой льняной рушник.

Мое смущение растаяло в его сосредоточенном взгляде. Он стащил с моих ног хлюпающие сапожки. Мои стопы побледнели, пальцы свело судорогой от холода.

— К огню ноги не суй. Погреем постепенно, — предупредил он, перехватив мое движение к очагу.

Чабан снял с полки плоску с янтарным ланолином — очищенным овечьим воском, — и поставил возле очага, чтобы размягчился. Над теплой водой в отдельной кружке поднялся душистый пар чабреца. Он принес аптечку, промыл мои содранные ладони и прикрыл ссадины марлей, оставив свободными кончики пальцев. Арсений завернул мои ноги в сухую шерсть, согревая сквозь нее ладонями, а когда кожа порозовела, нанес тонкий слой теплого воска на потрескавшиеся пятки.

Волна спасительного тепла ударила в жилы. Горницу заполнил дурманивший медовый аромат альпийских трав. Онемение отступало. Я чувствовала сквозь шерсть тепло его ладоней, а зубы все еще стучали.

— На, пей, — Арсений налил в глиняную кружку теплое молоко из закопченного медного чайника, стоявшего у углей.

От варева шел запах меда и козьего молока. Горло перехватило спазмом, я инстинктивно отстранилась.

Арсений сел на лавку рядом, властно обнял меня за плечи и поднес край кружки к моим губам:

— Пей понемногу, Василиса. Это козье молоко с белым

медом. В горах болезни слабость чуют. Сделай глоток.

Я зажмурилась и сделала глоток. Теплая, густая жидкость прокатилась огненным потоком по пищеводу, выбивая ледяную пробку из груди. Дыхание перехватило, но через секунду жар разлился по венам, разгоняя морозную муть.

Чабан поднялся, вышел в сени и через минуту вернулся, неся в охапке пять огромных белоснежных рун осенней стрижки высшей категории «Экстра». Он выстелил ими топчан в углу горницы полуметровым упругим слоем и легко перенес меня туда.

Я погрузилась в живое шерстяное облако. Оно дышало первозданным теплом, ласково принимая форму моего тела. Усталость взяла свое: перед глазами всё поплыло, и я провалилась в тяжелый лихорадочный сон.

Среди ночи мне почудилось, что скала под УАЗом снова ломается с пушечным треском. Я вскрикнула в бреду, выбросив руки вперед, и вцепилась в чье-то широкое запястье: — Не уходи... пропасть... земля уходит...

Арсений опустился на колени у топчана, накрыл мои дрожащие пальцы своей теплой ладонью и прижал их к своей груди:

— Я здесь, Василиса. Ты в коше. Держу.

Сквозь сон я прижалась горячей щекой к его мозолистой руке, обретая якорь в этом кошмаре. Арсений сидел рядом, позволяя мне держаться за его запястье. В свете углей он бережно коснулся подушечки моего указательного пальца,

провел широким шершавым пальцем по застарелой, плотной трудовой мозоли от тяжелых закройных ножниц. Сравнил со своей чабанской мозолью на ладони и кивнул. Я ответила слабой улыбкой: такую мозоль чужими лекалами не натрешь.

К утру буря за окном перешла в мягкий шелест падающего снега. Арсений принес из сеней крынку воды, смочил холщовую ткань и бережно протер мои горящие виски, шею и ключицы. Жар спал. Дыхание выровнялось.

Когда рассветный луч пробился сквозь ледяные узоры окна, я открыла глаза. В голове прояснилось. Ладони щипало, щиколотка отзывалась болью при движении, но я уже могла сесть сама.

Дверь тихо скрипнула. Арсений вошел в горницу, неся морозную свежесть, поставил на стол парящую кружку с отваром шиповника и положил передо мной свой сухой свитер крупной вязки из чистой шерсти:

— Доброе утро, Василиса. Отогрелась наконец. Одевайся.

Свитер доходил мне почти до колен, окутывая мягкой броней уюта. Я посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась — разглядывая, как смешно утонули мои пальцы в его рукавах.

За стеной стукнула лопата: Арсений расчищал проход к овчарне.

К девяти утра морозный воздух над плато стал прозрачным, как хрусталь. На свежевывавшем снегу ослепительно

искрилось солнце.

Поверх свитера я надела запасную куртку Арсения, сунула ноги в войлочные чабанские чуваки на толстой подошве и вышла на высокое крыльцо. Арсений орудовал лопатой у открытого загона, расчищая помост.

— Василиса, куда? — нахмурился он, заметив меня. — Тебе в тепле сидеть положено, чай пить.

— Арсений, я модельер-конструктор, — твердо отозвалась я, спускаясь во двор. — Я преодолела полторы тысячи верст и чуть не сорвалась в пропасть. Дай мне хотя бы увидеть шерсть, ради которой я приехала. Покажи мне производителя, о шерсти которого в Москве ходят легенды.

Он оперся на черенок лопаты, окинул взглядом мою решительную фигуру в своем безразмерном свитере и покачал головой с легкой улыбкой:

— Ну, коли так — пойдем знакомиться с хозяином отары.

Мы зашли в загон. Среди сотни племенных баранов возвышался исполин. Баран Буран-Хан весил около ста тридцати килограммов: мощные крученые рога в два полных оборота, горбоносый профиль и белоснежное, необычайно густое руно, спускавшееся пышной мантией до самых копыт.

В крытом манеже стоял деревянный помост. Буран-Хан почуял запах стригального станка, уперся копытами в порог и грозно сопнул, мотнув тяжелой головой.

Арсений подошел сбоку мягким, стелющимся шагом, плавно взял барана за левый рог, второй рукой подхватил

под коленный сгиб задней ноги и, перенеся вес на согнутую ногу, положил стотридцатикилограммового великана на бок.

Баран мгновенно затих. Он вытянул шею и расслабился под тяжелой ладонью чабана, будто ручной пес.

Арсений щелкнул тумблером электрической стригальной машинки. Мотор взвыл, но стоило гребенке коснуться подшерстка, как зубья моментально забились плотнейшим слоем шелковистого пуха. Машинка нагрелась и заскрежетала, угрожая посечь драгоценный штапель.

— Гребенка тупая, — Арсений выключил машинку и достал из кожаного чехла старинные пружинные ножницы ручнойковки. Лезвия были отполированы до зеркального блеска. — На нем придется вручную. Тут пальцами чувствовать надо.

Сталь запела хрустальным звоном. Арсений повел клинки у самой кожи барана — раздвигая пальцами складки перед каждым ходом лезвий.

Тяжелый пласт белоснежного неразрывного руна начал соскальзывать с бока Буран-Хана на доски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.